

УДК 316.77

РАСКРЫТИЕ ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2018 г.

В.П. Козырьков, М.В. Придатченко, О.А. Кирина

Козырьков Владимир Павлович, д.соц.н.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kozir3@yandex.ru

Придатченко Мария Викторовна, к.соц.н.; старший преподаватель кафедры отраслевой
и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
primariya80@gmail.com

Кирина Ольга Алексеевна, магистрант кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
koa1104@list.ru

*Статья поступила в редакцию 21.03.2018**Статья принята к публикации 19.07.2018*

Анализируются потенциальные возможности использования социальных сетей в качестве пространства реализации современной государственной культурной политики. Социальные конфликты и напряжённость в сетевом пространстве, проблемы их регулирования оцениваются с позиции недостаточности проникновения культурной политики в социальные сети, её минимальной степени включенности и активности. С законодательной точки зрения коммуникация в сетевом пространстве регулируется с позиций Уголовного кодекса Российской Федерации, однако сама сетевая коммуникация до сих пор не является четко структурированной и определенной, что не позволяет выстроить четкие границы законности некоторых её проявлений. На основе существующих исследований и опыта проведения современной культурной политики в российском обществе в статье отмечается целесообразность работы государства в социальных сетях при помощи мягких мер, таких как культурная, социальная и образовательная политика. Предлагаются направления реализации стратегии мягких мер в социальных сетях на примере культурной политики.

Ключевые слова: культурная политика, социальные сети, Интернет, интернет-коммуникация, функции культурной политики, социальная напряженность, социальные конфликты, информационное общество, кибербуллинг, сетевой экстремизм.

Введение

Политика в области культуры может преследовать различные цели. В отечественной литературе отмечается, что современная культурная политика рассматривается прежде всего как совокупность научно обоснованных взглядов и мероприятий в социокультурной модернизации общества, затрагивающей все его социальные институты [1]. Возникает вопрос: в какой степени существующая культура может способствовать модернизации общества и не нуждается ли сама культура в обновлении, если необходимо модернизировать общество с возникновением новых информационных технологий? В предлагаемой статье авторы пытаются ответить на этот вопрос, опираясь на существующие исследования и опыт проведения культурной политики в российском обществе [2, 3], на имеющиеся документы в области сетевых сообществ и теоретического анализа существующих эмпирических данных.

При этом мы будем исходить из фундаментальной цели культурной политики, которая обусловлена сутью культуры. Она состоит в разработке принципов и эффективных мер, направленных на распространение позитивных духовных ценностей, охватывающих все социальные слои и группы общества. С появлением цифровых информационных технологий возможности для достижения этой цели значительно обогатились. Однако реализация появившихся возможностей требует создания особых коммуникационных технологий и конкретных программ, которые могли бы регулировать деятельность социальных сетей в социокультурной сфере. В этих условиях, не умаляя значимости культурной политики в деятельности традиционных социальных общностей, организаций и учреждений, было бы правомерно обратить более пристальное внимание на культурную политику в деятельности виртуальных социальных сетей, поскольку они становятся главными каналами социальной информации и коммуникации, особенно в молодежной среде. Тем более

для всех очевиден факт, что социальные сети в социокультурной области используются нерационально и в недостаточном объеме. Складывается впечатление, что информационные сети для государства выступают не перспективным каналом транслирования духовных ценностей, а нейтральной территорией, на которой происходит распространение ценностей, имеющих лишь деструктивный характер. Справедливо, что «существуют угрозы проявления и пропаганды расовой, национальной и религиозной нетерпимости, в том числе в средствах массовой информации и социальных сетях информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", осуществления экстремистской деятельности под видом гуманитарной, культурной и псевдорелигиозной деятельности, в том числе со стороны иностранных организаций» [4]. Но для устранения этих угроз важно разобраться, какой должна быть позитивная политика по отношению к социальным сетям в Интернете, а не только запретительная.

Возникает и общий вопрос: необходима ли особая политика для социальных сетей? И не менее важный вопрос: могут ли социальные сети и Интернет в целом активно использоваться для проведения общей культурной политики? На эти вопросы не так просто ответить. Объясняется это тем обстоятельством, что культурная политика в массовом сознании ассоциируется с традиционными культурными институтами и образованиями – музеями, театрами, библиотеками и так далее. В стороне часто остаются более широкие сферы культуры, охватывающие экономику и политику, право и религию, этносы и территориальные образования, а также малые общности и группы. Но именно в этом направлении рождаются новые сферы культурной деятельности. В частности, в сетевых сообществах. Но чтобы подойти к ответу на поставленный вопрос о специфике культурной политики в сетевом информационном пространстве, рассмотрим кратко общий вопрос о функциях культурной политики с точки зрения их эволюции.

Традиционные (базовые) и новые функции культурной политики

К традиционным (базовым) функциям культурной политики в существующей литературе относят следующие: защитную, смысл которой заключается в сохранении общей национальной культуры и воспроизводстве культурного многообразия; конструктивную – благодаря данной функции происходит непосредственное создание культурных ценностей; функцию распространения и пропаганды ценностей культуры

среди всего населения или каких-то его определенных слоев; функцию осмысления (переосмысления), оценки культурных ценностей и создания иерархии этих ценностей; функцию общественного контроля всего процесса развития культуры [5]. Включение перечисленных направлений деятельности государства, ориентированных на регуляцию сферы культуры, не вызывает возражения. Однако этого перечня недостаточно, так как не упоминается общая функция культуры – формирование и развитие человека в соответствии со своей природой и характером культуры общества, в котором он живет. Если мы не выделим этой интегральной функции, то утрачивается общая цель культурной политики, которая обусловлена историческим предназначением и смыслом самой культуры. Таким смыслом, который достигается с помощью воспитания, социализации, обучения, образования, общения и других социокультурных институтов, которые в различной степени пронизывают все структуры общества, включая интернет-сети.

Кроме того, без выделения общей функции культурной политики невозможно эффективно реализовать и другие, конкретные функции. Осуществление функций защиты и контроля, например, представляется невозможным без человека, сформированного в пространстве общих ценностей и культурных паттернов.

Внешне представляется убедительным, что ряд традиционных функций культурной политики можно реализовывать посредством социальных сетей, обеспечивая тем самым наибольший охват недоступной ранее аудитории. Однако при этом надо учитывать, что аудитория, на которую надо воздействовать, это молодежь, поэтому надо более тщательно продумывать социально-психологический, личностный аспект воздействия. Для этого необходимо создать атмосферу наибольшей степени лояльности и доверия к культурной политике. Такой настрой особо важен для регуляции социальных сетей культурной направленности в Интернете, вызывающий у молодежи большее внимание, нежели традиционные средства массовой коммуникации [6]. Таким образом, для повышения социокультурного содержания в деятельности социальных сетей необходимо принципиальное изменение характера культурной политики. Пока что такая деятельность протекает больше стихийным образом и государство вмешивается лишь тогда, когда нарушаются какие-то правовые нормы. Важно отметить еще раз, что направленность изменения культурной политики должна соответствовать смыслу самой культуры – развитию молодого человека, формированию его свободной индивидуальности.

Поэтому мы поддерживаем вывод А.В. Фетисова, что «до настоящего времени основным субъектом, задающим правила игры в социальной реальности, остается государство, хотя его функции и степень вмешательства могут меняться в каждый текущий исторический момент в зависимости от реализуемой концепции социально-политического устройства общества и особенностей политической культуры конкретной страны» [7]. Важно только добавить, что политическая культура не должна отрываться от общей культуры, а такой отрыв произошел, когда сети стали использоваться в сугубо политических целях, нередко деструктивного характера.

Правовая и социокультурная регуляция социальных сетей

В этих условиях регулирование деятельности социальных сетей социокультурной направленности, в том числе молодежных, лишь с помощью норм права и запретительных средств недостаточно. Они скорее имеют характер тактики, а не стратегии в культурной политике. Разумеется, с целью снижения социальной напряженности политико-правовые средства более эффективны, так как с их помощью можно достичь определенной цели быстро, но вопросы развития культуры и воспитания быстро не решаются. Если мы хотим выстраивать долгосрочную культурную политику, то здесь требуется качественно иная стратегия проведения культурной политики, которая была бы ориентирована на решение проблем развития субкультуры молодежи во взаимодействии с субкультурой других возрастных слоев. Этот момент особо важно отметить, так как при стихийном развитии сетевых сообществ культура поведения в пространстве виртуальной коммуникации сегментируется по возрастам, приводя к социальной сегрегации и, как следствие, к новым очагам социального напряжения. И дело тут не столько в низкой правовой культуре большинства пользователей, сколько в незнании давно существующих правил этикета и норм этики, которое провоцирует ощущение вседозволенности, безнаказанности и бесстрашия. Там, где пытаются регулировать правовыми нормами, с успехом могла бы успешно и с большим социокультурным эффектом справиться высокая общая культура. Просто она исключена из сетевых сообществ, а вместо этого различные сетевые сообщества пытаются создавать собственные, корпоративные правила этикета и морали без учета общей культуры.

Таким образом, расширение в культурной политике различных видов контроля и надзора

без повышения общей культуры общения не дает позитивного результата. В итоге складывается парадоксальная ситуация, когда хотят повысить культуру участников социальных сетей в Интернете без обращения к самой культуре и без освоения ее общего наследия и духовного потенциала в области общения, этикета и морали. Складывается ощущение, что контролирующие инстанции и субъекты культурной политики пытаются ввести культуру поведения в виртуальных сетях с «чистого листа», считая, что Интернет есть дело настолько новое, что и культура тут тоже должна быть совершенно иной, какой никогда не было в истории. В итоге происходит отрыв сетевых сообществ от общей культуры и возникает иллюзия, что в этой области нет никаких общих и объективных социальных законов, связанных с развитием культуры. Но такое понимание приводит к тому, что снижается уровень реализации новых позитивных возможностей, которые заложены в виртуальных социальных сетях, и возрастают деструктивные.

Как показывают исследования западных социологов, активная роль общей культуры в современных коммуникациях не исчезает с появлением Интернета, а повышается. И вряд ли их нужно противопоставлять. Скорее всего, цифровые технологии, лежащие в основе виртуальных сетей, могут эффективно развиваться тогда, когда они опираются на развитую систему сложившихся исторических традиций и ценностей. Например, по мнению М. Кастельса, реальная коммуникация осуществляется во многом благодаря традициям и привычкам, которые, в настоящее время, «не то, чтобы исчезают, но слабеют, если не кодируют себя в новой системе, где их власть умножается электронной материализацией духовно передаваемых привычек. Сетевая коммуникация более эффективна, чем воздействие определенного харизматического авторитета при личных контактах» [8]. С этим мнением можно соглашаться или не соглашаться, так как в разных типах общества и в разных ситуациях соотношение традиций и привычек в их естественном виде и овеществленных в цифровых технологиях может быть различно. Но чтобы это кодирование произошло, необходима существующая развитая система традиций и привычек. Например, в настоящее время происходит усиление исторических традиций российского общества, но с использованием новых информационных технологий это можно сделать с большим размахом и быстро. И что-то делается в этом направлении силами пользователей Интернета и внутренними структурами. В этой связи важно выявить механизм передачи ценностей в социальных сетях. Распространено

воздействие харизматического лидера (популярный блогер, медиазвезда, организатор группы в сети и др.), но есть много традиционных социальных механизмов в самой культуре и в обществе, действующих в СМИ, образовании, семье и других социальных институтах, которые существуют давно, и выработаны соответствующие средства коммуникации и передачи ценностей. Этот фактор важно подчеркнуть, когда речь идёт о культурной политике в сети: раньше для того, чтобы привить индивидам определённые ценности, образ жизни или тип мышления, порой было достаточно поставить перед ними проповедника, который был бы авторитетным в этой группе прихожан. Даже при условии того, что было бы небольшое количество людей, не посещающих проповеди, при реальном взаимодействии с другими прихожанами (которые, естественно, послушали проповедника) они бы усваивали нужные культурные детерминанты. Но к этому официальному способу социальной коммуникации добавлялись семейные (с их семейными традициями), общинные (например, вече на Руси), праздничные (например, карнавалы), корпоративные (по месту работы). В современном обществе подобные практики не могут полноценно работать в той мере, в какой они работали в своих исторических условиях. К тому же мы находимся в качественно трансформирующемся обществе.

Социокультурная регуляция сетей в новых условиях

Современное общество имеет урбанизированный и глобализированный характер. Оно функционирует с помощью международной системы политических институтов, образования и науки, СМК и учреждений культуры. В этих условиях для трансляции духовных ценностей, норм поведения, принципов морали, художественных продуктов и научных знаний недостаточны привычные каналы распространения массовой информации, имеющие императивный и назидательный характер. К тому же в большинстве своём молодёжь не слушает официального радио, не читает официальных газет, не смотрит проектов центрального телевидения, считая их подобием идеологических инструкций. Вместо всего этого она активно использует информационные каналы в социальных сетях, обживая виртуальную территорию как свободную площадку для общения и диалога, усвоения новой информации и обучения. Такое положение подтверждается выводами исследователей.

Например, С.И. Алексухин еще в 90-х гг. утверждал, что логика сетевых коммуникаций

стала доминировать, разрушать не соответствующие ей коммуникационные модели. В результате роль традиционных социальных сообществ в массовых коммуникациях начала постепенно снижаться, свое влияние сохранили лишь те традиции, которые приняли логику сети [9]. В нулевые годы этот вывод был подтвержден и развит [10]. За 20 лет ситуация несколько изменилась. Если интернет-коммуникация первоначально формировалась в связи с поиском различной информации, то в настоящее время Интернет насыщен сетевыми сообществами, которые возникают преимущественно в социокультурных целях: просветительских, корпоративных, личностно-коммуникационных, научных, религиозных и пр. Это показали, в частности, участники Российской интернет-конференции 2005 г. [11–13]. По мере развития интернет-коммуникации все больше актуализируются функции социального взаимодействия и общения. Эта тенденция должным образом проанализирована в ряде исследований текущего десятилетия [14–18].

Однако есть проблемы культурной политики, которые с социокультурной точки зрения должным образом даже не поставлены. Отечественные и западные исследователи отмечают, что культурная политика, по сути, сводится к поддержке профессионального искусства (arts policy) [19, 20] и не рассматривает вопросы культурного содержания повседневных коммуникаций. Например, интернет-коммуникация, несмотря на широкое распространение за двадцать лет с начала своего возникновения и погруженность в нее миллионов пользователей, до сих пор не имеет своей устоявшейся структуры, устойчивых функций и культуры ее регуляции. Если сравнивать эту складывающуюся социальную систему с теми, которые уже давно существуют, то можно прийти к выводу, что интернет-коммуникации находятся еще в самом начале своего становления. Мы слишком рано согласились с тем, что новая система коммуникации уже возникла. Возможно, ее можно было использовать для решения старых задач, которые существуют в политике, в коммерции, в бытовом общении, которые успешно решались и до Интернета. Интернет позволяет решать их быстрее и эффективнее, но при этом мы что-то теряем с личностной и культурной точки зрения, не замечая этого, так как это происходит латентно, и мы еще не знаем всех возможных отдаленных следствий такого отношения к Интернету. Однако мы должны моделировать эти последствия теоретически, чтобы культурная политика имела свою стратегию. Похоже, что пока что мы играем новой технологией, забавляемся ее новыми возможностями, но должным

образом еще не поняли, что такое Интернет с точки зрения его социокультурного статуса.

Дискуссия по этому поводу идет уже давно, но с крайними выводами, когда одна сторона определяет Интернет как новый вид СМИ, а другая категорически возражает, считая, что Интернет есть свободное социальное пространство, подобное уличному, в котором в качестве регуляторов выступают только участники беседы, усвоенные ими нормы этикета и морали. В соответствии с этой точкой зрения в сетевых сообществах будут действовать те же самые нормы, которые действуют на улице. Какая из этих точек зрения правильная? Видимо, в действительности имеют право на существование обе точки зрения, как и в регуляции уличного движения, и в жизни происходит их энергичное взаимодействие, рождающее самые разные конфигурации позиций, для регулирования которых еще не возникли адекватные нормы.

В последнее время участилось деструктивное общение в сети, часто выливающееся в травлю. Оценив возможные последствия (например, суицид) и проанализировав негативный опыт (травля в сети квалифицируется как травмирующий опыт), специалисты занялись активной разработкой мануалов, руководств и рекомендаций для пользователей сети и их близких [21]. В отличие от западных стран в России проблема кибербуллинга не рассматривается на уровне государства (в УК РФ имеется статья за хулиганство, которая считается достаточной для решения проблемы [22]). Оптимальным решением в этой ситуации было бы изучение интернет-травли в неразрывной связи с сетевым экстремизмом, борьба с которым является приоритетным направлением работы государства в Интернете. Между тем силовые средства борьбы с экстремизмом малоэффективны и в обычной социальной реальности, но еще менее эффективны они в сетевых сообществах. Хотя бы потому, что пользователь сидит дома, а по закону о неприкосновенности частной жизни никто, в том числе государство, не имеет права вмешиваться в частное пространство. Но весь парадокс в том, что Интернет с его информацией в сетевых сообществах признан видом СМИ, поэтому подчиняется закону о СМИ, которые по определению являются публичной сферой. Поэтому любой пост на стене в сети воспринимается властью как публичное выступление и попадает под соответствующую статью закона об экстремизме. Это уже не кухонные разговоры, столь популярные в советское время в диссидентских кругах, так как их содержание становилось известным только с помощью тайных осведомителей, а не с помощью СМИ.

Этапы и особенности развития сетей в российском обществе

Первые социальные сети в России были почти полностью представлены молодыми людьми (больше до 18 лет), так как в 80–90-х гг. сложились многочисленные неформальные молодежные группы, которые отчасти затем ушли в Интернет. На какое-то время эти группы приобрели вполне добродетельный вид. О деструктивности в сети, сетевом экстремизме тогда не говорили, протестных настроений в сети не наблюдалось, а если и были сегрегация и социальная напряженность, то они носили субкультурный характер (готы не любили эмо, например, но эта тенденция перешла из реальной жизни в сеть, а не наоборот), травля в сети пока еще тоже была минимальной и относительно беззлобной.

Постепенно социальные сети разрастались, а само взаимодействие внутри стало качественно меняться: социальные сети стали осваивать люди старшего возраста, да и первые пользователи подрастали. Субкультурная сегрегация ушла в прошлое, зато появились принципиально новые для молодых российских социальных сетей тренды: политические, националистические и религиозные группы, в которых велись горячие дискуссии. Затем в сети пришли и рекрутеры экстремистских и террористических группировок. Открыто криминальные 90-е годы ушли в прошлое, но начались полосы экономических кризисов, обострились проблемы в социальной сфере, а позже добавились международные санкции. В этой ситуации народ стал понимать, что обещанный политиками в начале реформ европейский уровень жизни оказался мифом. Интернет стал местом аккумуляции протестных, оппозиционных и деструктивных настроений. Все это в итоге привело к рождению кибербуллинга, киберхарассмента, секстинга и сетевого экстремизма.

По результатам исследований Microsoft, в 2012 году [23] Россия заняла пятое место в рейтинге стран с наивысшим показателем травли в Интернете. В нашей стране 49% подростков сталкивались с унижением посредством социальных сетей (средний показатель по всем странам – 37%). Но в реальной жизни ситуация с травлей в России еще хуже – 71% подростков признаются в том, что они подвергались буллингу, при этом почти не получали помощи со стороны окружающих, даже при обращении к ним. Особенно незначительной была реакция на травлю в сети, в том числе из-за недостаточного информирования населения о подобных процессах. Важен показатель внесетевой травли,

потому что, зачастую, наблюдается ее переход из реальной жизни в пространство социальных сетей. Достоверной статистики по сетевому экстремизму на данный момент нет, даже у ЮНЕСКО [24], которая приступила к изучению этой проблемы несколько лет назад.

В этой связи еще раз подчеркнем, что регулировать травлю в Интернете и сетевой экстремизм лишь посредством политики ограничения, как это делается сейчас, неэффективно. Более того, политика ограничения лишь усиливает социальное напряжение в сети, добавляя инкомыслящим пользователям новых сторонников и статус жертв. Сетевой экстремизм необходимо блокировать изнутри, самими пользователями социальных сетей. А для этого в виртуальном пространстве необходима актуализация и модернизация ценностей общей традиционной культуры, так как именно она изначально формирует и развивает духовные параметры человека. В частности, одна из задач обновления культурной политики в социальных сетях состоит в распространении норм уважительного сетевого взаимодействия, в чем состоит элементарное требование общей морали.

Раньше в социальные сети конфликты приходили из реальной жизни, так как Интернет позволял их выразить в суждениях и оценках более свободно. Однако анонимность и безнаказанность деструктивного поведения в Интернете способствовала появлению конфликтов в самой виртуальной реальности. На начальных этапах это явление не представляло угрозы для целостности государства и данная проблема была не актуальна для власти. По мере развития виртуальной реальности ее логика начинает управлять и реальными действиями человека и негативно влиять на нормы морали. Выскажем теоретическую гипотезу, что виртуальная реальность – это не иной социальный мир, а реальный социальный мир, который до Интернета существовал в латентном состоянии, а теперь реализовался в реальной публичной форме. К тому же в такой форме, в которой каждое частное лицо, имея латентное бытие, теперь может свободно перемещаться, общаться и взаимодействовать с другими. Частое и продолжительное нахождение человека в виртуальном пространстве порождает иллюзию свободы выбора, устранение от обязательств, что приводит к неспособности принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность в реальной жизни. И тут мы можем повторить идею, которая была высказана в 2005 г.: теперь «в пользователе Интернета есть ощущение абсолютности субъекта, ощущение Бога» [11]. Поэтому не только частная жизнь под угрозой Интернета

[25], но и сама частная жизнь становится источником новых угроз, когда эффекты частной жизни начинают доминировать в публичном пространстве и возникает эффект публизации отношений [26, 27]. Духовный потенциал реальной публичной жизни стал снижаться.

Именно этими возможностями и вызываемыми ими ощущениями стали пользоваться различные деструктивные для культуры и общества силы. Реальный социальный запрос нашел для себя форму удовлетворения. Люди пытаются скрыться в виртуальном пространстве, ощущая там свободу, большое количество единомышленников, видя лидеров, вызывающих доверие и готовых к реальным поступкам. Освобождающие от преград процессы, происходящие в социальных сетях, убеждают рядового пользователя в своей социальной зрелости и приводят к мысли о необходимости менять ситуацию в реальном мире. Ведь если его мысли находят поддержку в сети и он может найти сторонников, значит, он сможет найти их и в реальной жизни. Если в сети он способен организовать вокруг себя группу и управлять ей, то сможет это делать и в реальности. Наконец, если в сети он может что-то менять, значит, он способен на изменение реальной жизни. Таким образом, виртуальные сети стали выполнять воспитательную, вербовочную и агитационную функцию.

Так что виртуальное социальное пространство стало оцениваться как продолжение пространства реального или как потенция реального. Оно обладает своими особенностями, но вполне объяснимо, что происходит смешение этих пространств в сознании пользователей. Но эффект смешения есть лишь внешняя сторона их взаимодействия. В действительности они дополняют друга. Эта взаимодополняемость традиционного и виртуального социальных пространств особенно заметна в том случае, когда возникает интернет-зависимость. Отчасти она объясняется неразвитостью реального социокультурного пространства, поэтому пользователь воспринимает красочное виртуальное пространство за реальное. И когда пользователя лишают возможности войти в сеть, возникает когнитивный диссонанс, который может привести к стрессовому состоянию.

Однако еще большим деструктивным следствием их взаимодействия является ситуация, когда человек реальное социальное пространство воспринимает как виртуальное и считает, что он может обращаться с ним точно так же, как он привык бесцеремонно и безжалостно обращаться с виртуальным. Отчасти этот эффект переноса действия с виртуальной сферы на реальную объясняет социально-психологическую природу

современной жестокости в социальной практике. В частности, когда ради размещения в сети скандальной информации и сбора множества лайков молодые люди идут на преступления.

Близка к описанной ситуации другая, когда происходит перенос интересов личности, связанных с реальным общением, на виртуальные коммуникации. В результате ценности пользователя сети формируются таким образом, что виртуальная среда становится для человека более ценной и значимой, нежели мир реальных социальных отношений. При таком раскладе становится особенно важным комьюнити в социальной сети, частью которого себя считает индивид, как качественно, так и просто фактически в плане его наличия. Воздействие окружающих может пагубно повлиять на индивида и его поведение: усвоенные от виртуальных «друзей» нормы и идеи кажутся такому человеку абсолютными, особенно на фоне его неуверенности в себе и комплексов неполноценности. Если даже индивид не состоит в комьюнити, но при этом обладает определенным уровнем программирования, то он так же страдает от комплексов и социопатии. В каждом из этих случаев возникает угроза деструктивного развития личности. В худших случаях подобная угроза может перерасти в троллинг, кибермошенничество, кибертерроризм и экстремизм, а в реальной жизни – в распространение практик папарацци, в перенос виртуальной жестокости на реальные ситуации, в заражение суицидальным настроением и др.

Основные направления культурной политики в области сетевых сообществ

Таким образом, для преодоления возникающих деструктивных процессов в сети необходимо качественное изменение культурной политики. Каким же образом можно мягко регулировать то, что не поддается жесткому ограничению? Если формулировать общий принцип, то необходим общий комплекс мер культурной политики, которые были бы в одинаковой степени нацелены на развитие реальной культуры и на формы ее продолжения и отражения в сетевых сообществах.

На наш взгляд, реализацию этого принципа можно построить вокруг следующих направлений.

Во-первых, необходимо создание реальных сообществ по интересам, в которых пользователи будут привлекаться к определенным культурным традициям, искусству, науке, технике. В таких реальных сообществах можно форми-

ровать новую ценностную ориентацию, за основу которой, например, можно взять общекультурные ценности, национальные кодексы моральных норм, кодексы профессиональной чести. Тем самым среди пользователей будет происходить мягкая переоценка и отказ от деструктивных ценностей, если такие были усвоены. Культура, даже самая высокая, никогда не формируется абстрактным и насильственным образом. Субъектом культуры является гражданское общество в целом, поэтому новая культурная политика может сформироваться только при активном и осознанном участии всех.

Во-вторых, распространение информации об экстремизме, травле (в том числе сетевой), различных киберпреступлениях и автоматическая маркировка информации как преступной. Благодаря этому информационному насыщению и большему доверию к пользователям мы сможем исключить из преступников рядовых пользователей, которые без злого умысла репостнули себе на страницу картинку или запись. Эту профилактическую функцию могла бы обеспечить высококультурная правовая информация среди участников сетей.

В-третьих, исключить из всех средств массовой коммуникации линию демонизации Интернета и социальных сетей. На данный момент существует страх неизведанного пространства, убеждение многих пользователей социальных сетей в лживости остальных СМК и упоение собственной вседозволенностью. Понятно, что новая коммуникационная культура в сети быстро не сложится, как и любая культура, но фактор демонизации сетей выгоден только тем, кто не хочет развития новой культуры, стремясь оставить только силовые средства регуляции для решения старых задач.

В-четвертых, важно работать в непосредственном контакте с пользователями социальных сетей. Обратная связь очень важна для современного молодого поколения. Проводимая втайне культурная политика не сможет привести к тем результатам, на которые она изначально направлена. Любые запретительные и директивные методы вызовут сопротивление со стороны лидеров виртуального пространства. Или они просто уйдут из него, лишая сети активного участника. Между тем пользователи социальных сетей знают о своем социальном пространстве гораздо больше, чем государственные субъекты регуляции, поэтому важно часть функции культурной регуляции передать им. Это обеспечит рост доверия между управляющими и действующими субъектами.

Заключение

Предлагаемые направления новой культурной политики в регуляции деятельности социальных сетей, конечно, надо уточнять по мере решения проблем соотношения реальных и виртуальных сообществ, частной и публичной жизни. Важно, чтобы проникновение новых подходов в культурной политике по отношению к новому социальному пространству было органичным, что возможно, когда она была основана на социокультурных принципах, имеющих исторические истоки. Политика регуляции социальных сетей на основе правовых мер, но не подкрепленная средствами духовной культуры, приведет к противоположному результату в борьбе с деструктивными сетевыми движениями и киберпреступлениями, так как перекроет возможности позитивного развития сетевых сообществ. Да и сами правовые меры могут эффективно работать лишь во взаимодействии с нормами морали, регуляторами частной сферы, деятельности научных и художественных организаций, нормами церковной и семейной жизни. Важно понять, что отодвигаемый на задний план культурный аспект является главным в предупреждении преступлений против личности в социальных сетях. Объясняется это просто: именно культура является способом формирования и развития личности, которая представлена в сети своими духовными параметрами. Проводимые на данный момент мероприятия, принимаемые меры заставляют рядового пользователя чувствовать себя в Интернете и социальных сетях стесненно, что противоречит изначальному позиционированию интернет-площадок как свободных для решения новых социокультурных задач. При этом сами преступники или пранкеры убеждаются в своей безнаказанности и избегают какого-либо наказания в сети. А в реальной жизни все чаще происходит процесс демонизации интернет-преступлений и виктимизации поведения пользователей, неспособных противостоять пранкерству или буллингу. Таким образом, система культурной политики нуждается в реформации с точки зрения интересов пользователей интернет-сообществ, представляющих собой гражданское общество в одном из своих пространств, которое имеет, одновременно, частный и публичный характер.

Список литературы

1. Гавров С.Н. Культурная политика: общественно-государственное взаимодействие, технологичность, многообразие // Современная наука: актуаль-

ные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1–2. С. 63–65.

2. Ивлиев Г.П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: Статьи и выступления. М.: Норма: НИЦ «Инфра-М», 2012. 208 с.

3. Мешкова А.В. Формирование государственной политики в сфере культуры и ее государственно-правовое регулирование. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Meshkova/> (дата обращения: 06.01.2018).

4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAYVVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 06.01.2018).

5. Карпунин О.И. Культурная политика России: цели и способы реализации // Социально-политический журнал. 1996. № 1. С. 44–86.

6. Исследование РосИндекса о доверии СМК. URL: <http://www.android-touch.ru/novosti/1344-internet-vyzyvaet-vse-bolshe-doveriya-rossiyan.html> доступ свободный (дата обращения: 06.01.2018).

7. Фетисов А.В. Теоретические и практические основы социально-культурной политики: Учебное пособие. М.: Дело, 2011. 152 с. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks369976 (дата обращения: 06.02.2018).

8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

9. Алексухин С.И. Социально-психологические особенности информационного взаимодействия в политике: на материале избират. кампаний 1994–1995 гг.: Автореф. дис. ... к. психол. н. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1996. 155 с. [Текст из электронной базы объявлений о защите сайта ВАК, открытый доступ].

10. Алексухин С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ. URL: <http://www.elibrary.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/MFTI/2003/127.pdf> (дата обращения: 30.01.2018).

11. Козырьков В.П. Интернет и развитие культуры. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16216381> (дата обращения: 30.01.2018).

12. Козырьков В.П. «Тройное дно» интернет-знания. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16216303> (дата обращения: 30.01.2018).

13. Воронин П. Социология и Интернет: дискуссия состоялась // Социальная реальность. 2005. № 1. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_soc_rea/number_05_01/gur050105 (дата обращения: 30.01.2018).

14. Губанков А.Н. Перспективы развития сетевых СМИ как интерпретатора культурного пространства современного города // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 3 (8). С. 15–23.

15. Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М.: ИФ РАН, 2015. 196 с.

16. Социальные сети как площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения. Томск: Издат. дом ТГУ, 2016. 112 с.
17. Лежебоков А.А., Сергодеева Е.А., Сергодеев В.А. Сетевые сообщества в социальных медиа Рунета. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2017. 182 с.
18. Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик: Монография / Под ред. Л.П. Шестеркиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017. 296 с.
19. Mulcahy K.V. The public interest in public culture // *Journal of Arts Management*. 1991. № 21. P. 5–25.
20. Горшенева-Долунц И.К. Проблема основного приоритета культурной политики // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-osnovnogo-prioriteta-kulturnoy-politiki>
21. Останови кибербуллинг. URL: <http://www.stopcyberbullying.org/parents/howdoyouhandleacyberbully.html> (дата обращения: 16.01.2018).
22. Крапивенский А.С. Вербальный аспект культурной безопасности молодежи в социальных сетях // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5935> (дата обращения: 16.01.2018).
23. Онлайн-буллинг среди российских подростков 8–17 лет от Microsoft. URL: https://www.google.lv/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjLqVtvjPAhVFFywKHdWCCbIQFggcMAA&url=http%3A%2F%2Fdownload.microsoft.com%2Fdownload%2FE%2F8%2F4%2FE84BEEAB-7B92-4CF8-B5C7-7CC20D92B4F9%2FWWW%2520Online%2520Bullying%2520Survey%2520-%2520Executive%2520Summary%2520-2520Russia_Final.pdf&usq=AFQjCNECUpKYq474evpgm8u1SiGymrV V2w&sig=Gob4VeuKslxCc2BT2p_Bmw (дата обращения: 18.12.2017).
24. Молодёжь и насильственный экстремизм в социальных сетях. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0026/002603/260382e.pdf> (дата обращения: 17.12.2017).
25. Гарфинкель С. Все под контролем: частная жизнь под угрозой. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 432 с.
26. Козырьков В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры // Вестник ННГУ. Сер.: Социальные науки. 2002. Вып. 1 (2). С. 117–130. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9117845> (дата обращения: 30.01.2018).
27. Мелешевич Р. Публикация отношений в Интернете // Журналистика 2017: стан., праблемы і перспектывы: Матэрыялы 19-й Міжнар. навук.-практ. канф., 16–17 ліст. 2017 г. Мінск: БДУ, 2017. С. 364–368.

UNLOCKING THE SOCIAL NETWORKS' POTENTIAL AS A TREND OF MODERN CULTURAL POLICY

V.P. Kozyrkov, M.V. Pridatchenko, O.A. Kirina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article considers the opportunities of using social networks as a tool for the implementation of modern state cultural policy. Social conflicts and tensions in the network space and the problems of their regulation are assessed from the perspective of low level of penetration of cultural policies into social networks. Communication in the network space is regulated from the positions of the Criminal Code of the Russian Federation, however, the communication itself is still not clearly structured and definite, which makes impossible the process of establishing clear boundaries of the legality of some of its manifestations. Based on the existing research and experience of modern cultural policy in Russian society, the article notes the expediency of the state's work in social networks through soft measures such as cultural, social and educational policies. The authors also suggest some ways to implement the strategy of soft measures in social networks, using the example of cultural policy.

Keywords: cultural policy, social networks, Internet, Internet communication, functions of cultural policy, social tension, social conflicts, information society, cyberbullying, Internet extremism.